

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Л. П. ПОТАПОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ КОЙБАЛОВ

Вопрос об этническом происхождении и составе койбалов представляет собой часть более широкого и общего вопроса, связанного с происхождением и формированием современной хакасской народности. Занимаясь изучением происхождения современных хакасов, мы собрали и исследовали значительный исторический материал, позволяющий довольно точно и всесторонне осветить этнический состав и происхождение койбалов. В дореволюционной, да и в современной нашей историко-этнографической литературе койбалы определяются обычно как одно из хакасских племен. Один из первых исследователей, посвятивший койбалам специальный очерк, Н. Костров назвал койбалов «небольшим племенем кочевых инородцев, обитающих в Минусинском округе Енисейской губернии»¹. Хакасским племенем называет койбалов и С. А. Токарев, который находит у них даже кровные роды — сеоки². Между тем для такого определения койбалов нет фактических данных. Напротив, факты свидетельствуют о том, что койбалы представляют собой лишь сравнительно недавно сложившуюся мелкую этническую группу, сложенную по своему происхождению, состоящую из разнородных этнических элементов, и, конечно, не могут считаться племенем.

Впервые койбалы упоминаются в русских исторических документах середины XVII в. как «Койбалов улус Тубинской земли Красноярского уезда». Это название улус получил по имени маторского князца Койбала, возглавлявшего тогда так называемых «каменных» маторов. С маторами, или моторами, русские служилые люди встретились впервые в 1609 г. на правобережье Енисея, когда маторы вместе с тубинцами приняли русское подданство и внесли ясак³. Эти новые ясачные волости находились «позади киргиз»⁴. Для XVII в. в среде местного населения, характеризовавшегося большой разнородностью и раздробленностью этнических элементов, маторы были довольно многочисленными. По подсчетам Б. О. Долгих, их было около 500 чел. По образу жизни они делились на конных ското-

¹ Н. Костров, Койбалы, «Записки Сибирского Отдела РГО», кн. VI, Иркутск, 1863, стр. 109; ср.: Е. К. Яковлев, Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея, Минусинск, 1900; W. Radloff, Aus Sibirien, I, Leipzig, 1884, стр. 206.

² С. А. Токарев, Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в.; «Сибирский этнографический сборник», I, Труды Института этнографии АН СССР, т. XVIII, М.—Л., 1952, стр. 108—110. См. также: Н. Козьмин, Хакасы, Иркутск, 1925, стр. 18; «Сибирская советская энциклопедия», т. II, стр. 797.

³ См. Г. Миллер, История Сибири, I, М.—Л., 1937, документ № 65, стр. 423.

⁴ Там же, стр. 430.

водов и звероловов-охотников, обитавших в горных лесах. Эти последние и назывались «каменными» маторами. Они жили в верховьях рек Казыра, Амыла, Ои, а местами и в бассейне р. Кана. В этих районах они обитали и в XVIII в., где их обнаружил Е. Пестерев. Маторы-скотоводы кочевали в долине Амыла, по Тубе (или Упсе) реке и по правобережью Енисея.

В XVII в. маторы входили в следующие улусы «Тубинской землицы»:

1) Койбалов, который включал в себя, судя по ясачным книгам, самую большую группу маторов. «Каменные» маторы упоминаются в 1685 г. как «киштымь» киргизские, т. е. данники, зависимые от енисейских киргизов⁵. В 1690-х годах «каменных» маторов возглавляли сыновья Койбала: Серен и Тебюга, а их улус уже именовался Турочаковым (Тараджаковым), или Мадор.

2) Шышелеков улус, названный по имени князца Шижлека, плавившего ясак в Красноярск еще при первом воеводе этого города Андрее Дубенском (1628—1629).

3) Бугачиев улус — по имени тубинского князца Бугача.

4) Карнасахамов улус⁶. С маторами не следует смешивать мадов или Матскую волость XVII в., как это делал в XVIII в. Г. Миллер, а в наше время С. А. Токарев⁷. Маторы говорили на одном из самодийских языков или диалектов. После смерти Койбала название Койбальского улуса маторов в XVII в. исчезает и появляется снова лишь в XVIII в.

«Койбальская земляца» XVIII в.

В известных нам документах XVIII в. наличие Койбальской землицы устанавливается для 1711 г. В этом году красноярский конный казак Григорий Бегунов был послан «для сыску беглых Красноярского присудства Абаканского острогу ясашных иноземцев, которые бежали из Койбальской землицы в Мунгальскую землицу...»⁸. По ясачным книгам 1718 г. в Койбальской землице числится 16 улусов, а в них 292 чел. ясачных⁹. Когда и каким образом была образована Койбальская землица, прямых указаний в исторических документах не содержится. Однако несомненно, что она появилась после 1704 г., вслед за переселением енисейских киргизов в Джунгарию. Как устанавливается документально, в 1704 г. из Красноярска был послан к енисейским киргизам для сбора ясака «Иван Злобин с товарищи». Киргизы в это время уже были уведены в Джунгарию, и Злобин, естественно, не обнаружил их в местах обычных кочевий. По этому поводу он, по возвращении в Красноярск, сообщил в своем донесении таким образом: «киргизских князцов никого не изъехали, а изъехали прежде осталцов тубинцов семи человек». Но Злобин со своими товарищами в эту поездку обследовал некоторые районы по правобережью Енисея, в результате чего они, как говорится в упомянутом его донесении, «приискали радением своим в платеж великого государя ясаку киргизских и тубинских розных улусов киштымь». В цитированном документе Злобин перечисляет эти «розные улусы» с указанием количества ясака, полученного от каждого из них. В этом перечне содержатся следующие 16 улусов: Малый Байкатовский Кон, Шароданов, Татаров, Аршупов, Большой Байкатовский, Урчин, Сыйской, Аска, Кайдынов, Ингара, Кайдынов, Бугачев, Шип, Ургунов, осталцы тубинцы¹⁰.

Вот эти 16 улусов и были объединены в особую «землицу», получившую название Койбальской. В этом нетрудно убедиться, если сопоставить список улусов Койбальской землицы, зафиксированный Г. Миллером в Крас-

⁵ Дополнения к Актам историческим, т. II, СПб., 1869, стр. 162.

⁶ Подробнее об этом см. нашу книгу «Краткие очерки истории и этнографии хакасов», Абакан, 1952.

⁷ С. А. Токарев, Указ. соч., стр. 113. О различии маторов и мадов см. нашу книгу «Краткие очерки истории и этнографии хакасов».

⁸ См. В. Радлов, Сибирские древности, т. I, вып. III, СПб., 1894, стр. 78.

⁹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, № 20, л. 236.

¹⁰ См. «Памятники сибирской истории», кн. I, СПб., 1882, стр. 233—236.

ноярске в 1735 г., со списком И. Злобина¹¹. По записям Миллера, «Койбальская земляца, в верховьях Енисея между Абаканским и Саянским острогами, состоит из следующих Койбальских улусов: 1) Малой Байкотовский, 22 чел., 2) Большой Байкотовский, 36 ч., 3) Тарачаков, 24 чел., 4) Аршупов, 10 чел., 5) Урчин, 5 ч., 6) Ингара, 11 ч., 7) Карнацкой, 11 ч., 8) Коль, 7 ч., 9) Сыской, 8 ч., 10) Аска, 3 ч., 11) Ярдчи (Ердчи), или Джерчи, 10 ч., 12) Ургунов, 15 ч., 13) Бугачев, 11 ч., 14) Остальные тубинцы (у Злобина осталцы тубинцы — Л. П.), 6 ч.»¹².

Таким образом ясно, что Койбальская земляца была образована административным путем, посредством объединения оставшихся от увода бывших киргизских и тубинских киштымов. На сведениях Миллера об улусах Койбальской земляцы следует остановиться подробнее, так как он не только перечисляет названия улусов, но и сообщает также ценные данные об их расселении и языке. Первые восемь улусов списка Миллера, т. е. Малый Байкотовский, Большой Байкотовский, Тарачаков, Аршупов, Урчин, Ингара, Карнацкой и Коль — улусы, объединявшие большую часть населения Койбальской земляцы, обитали по р. Тубе и на оз. Тазик-коль, находящимся в 10 верстах к югу от р. Тубы. Сыской улус находился в верховьях р. Сиды, откуда и получил свое наименование, «так как на местном наречии эта река называется Си». Улусы Аска, Ярдчи, Ургунов и Бугачев жили по р. Ойе, или Ое. Остальные-тубинцы (или Тубинский улус), которые, по мнению Миллера, представляли собой «остатки киргизов, причинивших столько вреда в Красноярском уезде», имели своим местожительством долину Абакана.

Из цитированных записей Г. Миллера следует, что часть койбалов уже тогда жила в так называемой Койбальской степи, расположенной в треугольнике между рр. Абаканом, Енисеем и горной цепью Итем, составляющей северные предгорья Саянского хребта. Что касается сообщения Миллера о языке койбалов, то оно сводится к следующим его замечаниям. Население Тарачакова улуса, пишет он, говорит на собственном языке, а не на татарском (т. е. не на тюркском) и «называется моторцами и койбалами по имени предков — двух братьев Койбала и Модора». Затем Миллер указывает, что улусы Малый и Большой Байкотовский, Урчин, Сыской, Коль, Аршупов, Ингара говорят на коттовском языке (т. е. были тогда кетоязычными). Жители же улусов Карнацкий, Аска, Джерчи, Ургунов и Бугачев говорили на камасинском языке (т. е. были самодийскоязычными). Таким образом, вся Койбальская земляца вскоре после ее образования, как это теперь точно устанавливается, была разноязычной и говорила на кетских и самодийских диалектах, но не по-тюркски (за исключением, возможно, тубинцев-остальцев, говоривших, вероятно, по-тюркски, если Миллер принял их за остатки енисейских киргизов). Это новое для научной литературы свидетельство ученого, занимавшегося специально изучением вопросов происхождения, языка, культуры и быта сибирских народностей, окончательно решает вопрос о смешанном происхождении койбалов на основе самодийскоязычных и кетоязычных этнических элементов, с преобладанием последних, так как кетоязычное население перечисленных улусов составляло большинство.

Позднее опубликовал список улусов Койбальской земляцы (по данным начала 1770-х годов) П. Паллас. В этом списке те же самые улусы, что и в записях И. Злобина и Г. Миллера, в некоторых случаях записанные лишь в несколько измененной транскрипции. Общее количество их меньше на один улус, чем у Миллера¹³. Это объясняется тем, что Паллас

¹¹ Г. Миллер, Описание Красноярского уезда Енисейской провинции в настоящем его положении в 1735 г. Рукопись на немецком языке, Центр. гос. архив древних актов (далее ЦГАДА), фонд 199, д. 9, портфель 526, ч. II, л. 1—32 (об.).

¹² Там же, л. 27.

¹³ P. Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs, III, St. Pet., 1776, стр. 376.

улус Урген показал вместе с Бугуджи (у Миллера: Ургунов и Бугачев улусы). Количество ясачных плательщиков в Койбальской земле составляло, по Палласу, уже 239 чел., а общая численность населения — 400 чел. Улусы Койбальской земли Паллас дает в следующем порядке. «Между Абаканом и Енисеем жили улусы: Тарачак, состоящий из 32 чел.; Большой Байгатол (36 чел.); Карнат (32 ч.); Урген совместно с Бугуджи аймаком или улусом (около 30 чел.); Аршупов (23 ч.). На восточной стороне Енисея к Койбальской земле относились улусы: Сысков (15 ч.); Аскасов (8 чел.); Кольский (16 чел.); Ангаров (31 чел.); Тубинцы, между которыми были включены и маторы (29 чел.); Аbugачев (16 чел.); Арчинской (25 чел.); Малый Байгатол (42 чел.)»¹⁴. Кроме того, в этом районе жило 65 чел., относящихся к улусу Большой Байгатол¹⁵.

У Миллера и Палласа отсутствуют из перечисленных Злобиным только четыре улуса. Из них Кайдынов улус оказался в составе Яринской земли¹⁶. Но у Миллера и Палласа упомянуты два улуса, которых нет в списке Злобина, именно: улусы Тарачак и Карнатской. Первый из них представлял собой потомков каменных маторов XVII в., входивших в улус Турочаков, или Тараджаков, возглавлявшийся сыновьями Койбала, второй же — потомков части населения Каранатского улуса, входившего в XVII в. в Удинскую землю Красноярского уезда.

Приведенные выше материалы, и прежде всего материалы, собранные Миллером, ставят на твердую научную почву определение этнического состава Койбальской земли в XVIII в., а так как почти все эти улусы входили в состав различных земель XVII в., то указанные материалы имеют важное значение и для выяснения этнического состава некоторых улусов ясачного населения XVII в. Койбальский этнический конгломерат, именовавшийся Койбальской землей, состоял, следовательно, из остатков племен и родов, входивших в XVII в. в соответствующие улусы Тубинской, Кашинской, Камасинской и Удинской земель XVII в. Улус Тарачак представлял собой потомков Турочакова улуса Тубинской земли XVII в., возглавлявшегося сыновьями маторского князя Койбала. Кроме того, маторы в XVII в. входили также в Камасинскую землю. Население улусов Коль, Большой и Малый Байкатовский было потомками населения улусов, входивших под этими же названиями в ту же Тубинскую землю XVII в. Улусы Урген и Бугачев мы находим в составе Камасинской земли XVII в. Улус Арчи — это потомки населения Ярашина или Шалба улуса XVII в. Кашинской земли. Улус Карнацкой в XVII в. входил в Удинскую землю¹⁷.

Население Койбальской земли в XVIII в. испытывало сильное влияние тюркоязычных качинцев, сагайцев и бельтиров и смешивалось с ними. В течение XVIII в. качинский тюркский язык одержал здесь победу, и койбальские улусы уже к началу XIX в. стали тюркоязычными, хотя следы самодийских и кетских диалектов у них сохранялись и в XIX в.

О смешении койбалов, как будем мы называть теперь обобщенно население этой земли, с бельтирами и сагайцами в XVIII в. имеется свидетельство Д. Мессершмидта, который относил койбалов к киштымским татарам. В неопубликованном дневнике этого путешественника говорится: «Что касается киштымских татар, то они жили в лесах, и их первый старшина покорился арицам и одновременно русским. Его, как говорят, звали

¹⁴ Гмелин упоминает о Байкотонском (Байкатовском) улусе Койбальской земли, представители которого обитали к северу от Луказского завода (см. Gmelin, Reise durch Sibirien..., III, Göttingen, 1752, стр. 325).

¹⁵ P. Pallas, Указ. соч., ч. III, стр. 376.

¹⁶ Татаров улус был в XVII—XVIII вв. в Камасинской земле (в верховьях р. Кана). Возможно, обнаруженные Злобиным ясачные Татарова улуса не вошли во вновь образованную Койбальскую землю потому, что они уже были приписаны к Камасинской земле.

¹⁷ О всех перечисленных улусах см. «Краткие очерки истории и этнографии хакасов», стр. 77—89.

Койбалом и поэтому часть этих татар называется «койбал-кыштымскими татарами», они разделяются на различные улусы, волости или роды, из которых некоторые ушли с киргизами, но многие живут здесь и до сего времени. Первым родом у них был Бельтирский род, он живет на р. Уйбат и платит ясак в Кузнецк. К нему присоединился улус Богичи, Модур или Модор, а также Курамат, Юс-Сагае, Байкотове. Они теперь живут по рр. Уйбат и Абакан, а также по р. Енисею у Усть-Абакана»¹⁸. Из этого интересного сообщения, материал для которого Мессершмидт получил у местного населения расспросным путем, мы узнаем, что часть бельтиров в начале XVIII в. жила на р. Уйбате, что маторы входили в состав койбалов еще в самом начале XVIII в., что маторский князь Койбал дал наименование (как это отметил и Миллер) улусу, а затем всей землице, и это было известно местному населению. В связи с этим хотелось бы лишний раз подчеркнуть, насколько важны и достоверны бывают местные исторические предания, ибо происхождение этнонима «койбал» от собственного имени князца не вызывает сомнения: это показано выше на документальном материале.

Победа во всех улусах Койбальской землицы тюркского языка над самодийскими и кетскими диалектами в течение указанного выше времени произошла постепенно, и полное господство тюркского языка в этой землице относится лишь к XIX в. Еще Паллас удостоверил, что в начале 1770-х годов, во время его путешествия, койбалы и маторы, как и карагасы и камасинцы, не утратили полностью самодийского языка. Он писал: «Койбальцы, с коими я в эту езду познакомился, от всех доселева описанных языческих татар, народ совсем особой, оне не столько нынешним родом жития и платьем, сколько видом, разговором и следовательно урожением отличны. Их лица большею частью сходствуют с тунгускими, круглы и плоски, но при том довольно бородасты.— Разговор их весьма походит на самоедской, и хотя много примешено в нем и татарских наречий, однако легко еще распознать можно останки самоедского видимого и в Койбальской орде, в карагасах, каймашах и моторах, в восточной стороне Енисея живущих, сойотах в горах за Российской границею кочующих, так что весьма вероятно, что все сии отродия суть остатки одного врозь разбитого и из своих в древности здесь настоящих жилищ до северных самоедских ныне мест выгнанного народа. В доказательство сходствия их языков довольно будет привести сих наречий, коих взять сличить только одне маторские, как родственнейшие с незнакомыми мне сойотскими, что однако сами маторы и койбалы на промыслах на границе с сойотами встречающиеся единогласно подтверждают»¹⁹. Георги, находивший, что койбалы похожи лицом более на самоедов, чем на татар, также заявлял: «Язык их есть так же смешанное со многими татарскими словами самоедское наречие»²⁰. Г. Спасский, посетивший койбалов в самом начале XIX в., подтвердил, что и для этого времени койбалы «отличаются языком и видом от соседственных народов, сходствуя в том с жителями отдаленной Сибири, каковы самоеды и остяки. Хотя в языке их немало находится и татарских слов, но легко можно заметить, что сии слова некоренные их, а приняты или потому, что выражаемые чрез них вещи до знакомства с татарами не были известны койбалам, или по причине легкости в произношении. Койбалы Кольского улуса имеют некоторый особый язык, не-

¹⁸ Д. Мессершмидт, Журнал путешествия из Тобольска, столицы Сибири, через Тару, Томск и дальше по Сибирскому царству (подлинная рукопись на немецком языке в Архиве АН СССР), Архив Института этнографии, ф. К-1, д. 13, папка 1-я, стр. 145.

¹⁹ П. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788, III, стр. 523—524. На стр. 524—526 Паллас приводит в доказательство своего определения сравнительный лексический материал самоедских, койбальских, маторских и карагасских слов.

²⁰ И.-Г. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов..., III, СПб., 1799, стр. 13.

сходный ни с койбальским ни с татарским»²¹. Как известно, Г. Спасский во время своей поездки составил словари койбальского и маторского языков. Они обнаружены нами в рукописном фонде Публичной библиотеки в Ленинграде. Словари прекрасно подтверждают мнение Палласа, самого Спасского и других о смене у койбалов самодийских и кетских диалектов тюркским языком.

Различие в происхождении и разнородность этнического состава койбалов отражались в их культуре и быте. Паллас обратил внимание на некоторые черты быта койбалов, сходные с бытом самодийскоязычных камасинцев: «Они сходились прежде особливо действием и платьем их волхвов (шаманов.— Л. П.) более с каймашами, нежели с соседственными им татарами»²². Это относилось как к шаманскому костюму с нагрудником, многочисленными железными подвесками, с шапкой, оканчивающейся железными оленьими рогами, так и к шаманскому бубну. Религиозные традиции наиболее устойчивы и консервативны. Они продолжали сохраняться у койбалов, свидетельствуя о былой общности их культуры и быта с камасинскими. В сказке красноярского сына боярского Кирилла Худоногова «О состоянии Койбальской землицы», составленной в 1737 г., в отношении культуры и быта койбалов сказано: «Оный народ против Канской землицы». Это означает, что койбалы не отличались по образу жизни и быту от коттов, которые описываются в подобном и одновременно составленном документе, как таежные охотники. С другой стороны, среди койбалов были скотоводы и земледельцы, так как койбалы обитали не только в горно-таежных, но и в степных районах. По сообщению И. Фишера, «Койбалы живут на реках Абакане и Туба, также в тайге»²³. Из этого можно заключить, что часть населения, приписанная к Койбальской землице, жила и в степных местах. Это известие вполне подтверждается отрывочными замечаниями Миллера относительно некоторых сторон хозяйства и быта койбалов. Он замечает, что у койбалов можно видеть жилища не только из бересты, но и из войлока, потому что среди них встречаются такие, которые усиленно занимаются скотоводством. В другом месте Миллер сравнивает скотоводство койбалов по составу скота со скотоводством барабинских татар, отмечая преимущественное разведение койбалами лошадей и крупного рогатого скота и незначительные размеры овцеводства²⁴. Это довольно обстоятельно засвидетельствовал Е. Пестерев; у него сказано, что койбалы кочуют на правом берегу Абакана и вдоль Бия, Дабату и Уту. Прежде у этих кочевников был хороший скот, многие из них были богатыми, но оспа была причиной большой смертности среди них, а отсутствие сена вызвало падеж скота. Их лошади не очень большие, но очень выносливые. Эти кочевники занимаются немного земледелием, однако самый деятельный земледelec обрабатывает не более полудесятины земли; они запасают сено только для корма баранов. Что же касается лошадей и быков, они в течение всей зимы пасутся в степях, ибо здесь выпадает много снега. Койбалы охотятся вдоль по течению трех Кебешей. Ое, Амылу, Канданту и Шедату у них притоков, которые все протекают по правому берегу Енисея. Соболя у них не бьвают хорошиими. Все койбалы христиане²⁵. Паллас также пишет о койбалах скотоводах, земледельцах и охотниках. Приведем отдельные места из его описания занятий и быта койбалов, сделанного им по собственным наблюдениям. Койбалы «скотом

²¹ См. «Сибирский вестник», СПб., 1819, ч. V, стр. 58.

²² П. Паллас, Путешествие..., III, стр. 526.

²³ См. рукопись И. Фишера на немецком языке, но под заглавием: «Geographica et historica dextriptio itineris et regionum Tomas inter et Irkutum oppida interia centium», Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 52, л. 18. Указанием на эту рукопись я обязан А. И. Андрееву.

²⁴ Г. Миллер, Описание Сибирских народов (на немецком языке), ЦГАДА № 763/1386, ч. I, л. 93-об., 117.

²⁵ Примечания о прикосновенных около Китайской границы жителях..., деланные Егором Пестеревым с 1772 по 1781 год. «Новые ежемесячные сочинения», ч. LXXXII, 1793, стр. 12—13.

не очень богаты, однако по выгодным у них промыслам и по рачительному, как видно хлебопашеству, оне живут довольны, и есть, кои у себя до сотни лошадей имеют... пашут они российской сохою, которую называют по своему сабан, сеют хлеба больше нежели сколько им потребно, и по тому излишней продают соседственным татарам. Откуда, да и из всех их поступок, ясно видно, что оне совсем противного татарскому свойства... Многие из них имеют деревянные на зиму дома, да из тех, кои живут в юртах, некоторые содержат кур»²⁶. Паллас сообщает, что койбалы собирали и жали дикую гречиху, росшую большими полями в местах их обитания по правобережью Енисея. Семена поджаривали в чугунных чашах и толкли в деревянной ступе; из крупы варили кашу на молоке. В большом количестве собирали дикий лен и крапиву, из которых делали веревки. Жили койбалы оседло. Летом переходили из деревянного дома в юрту; часть койбалов жила в юртах и зимой. Юрты были качинского типа. Одежда койбалов представляла смесь качинской и русской. Многие мужчины (некрещенные) носили косу. Некоторые носили головные уборы монгольского типа. Георги характеризует койбалов как скотоводов и отмечает у них наличие не только овец, но и верблюдов. Вместе с этим он подчеркивает пристрастие кайбалов и к звериному промыслу²⁷.

Как указывалось выше, в Койбальской землице XVIII в. оказались частично и маторы, потомки маторов XVII в. В XVIII в. они были раздроблены на несколько групп. Одна из них обитала в верховьях р. Кана и составляла Татаров улус Камасинской землицы, в котором числилось 12 ясачных. Миллер, упомянув этот улус в составе Камасинской землицы, заметил: «из них большинство модоры, по-камасински — модор-санг, по-татарски модорлар». Кроме того, Миллер отметил, что жители Тагинского улуса Канской землицы (по-камасински — нигисанг, а по-татарски — такалар), обитавшие в верховьях Кана, «имеют общий язык с модорами, отличный от языка камашинцев»²⁸. Вторая группа маторов входила в состав Койбальской землицы. Миллер в 1735 г. сообщал, что население Тарачакова улуса Койбальской землицы называет себя маторами и говорит на своем языке, а не на татарском (т. е. не тюрском). Вместе с некоторыми другими улусами Койбальской землицы, Тарачаков улус обитал в то время по р. Тубе. Эти маторы были потомками населения Тарачакова улуса Тубинской землицы XVII в. В низовьях Тубы маторы оказались, вероятно, в результате переселения их с гор, находящихся за Саянским острогом, в связи с тем, что при намечавшемся проведении границы между Россией и Китаем местные русские власти пожелали отвести ясачное население подальше от намечавшейся границы, чтобы они платили ясак России. Правда, когда эта граница была в 1727 г. проведена, большая часть маторов все-таки оказалась китайскими подданными и вошла в состав сойотов — предков современных тоджинских тувинцев. Таким образом, наиболее многочисленная группа маторов оказалась в XVIII в. за Саянами. Но в Койбальской землице была еще одна небольшая группа населения, которая называла себя «моторами». Она жила в горах близ Шедатского форпоста по речке Каратуз, впадающей в Амыл (одна из рек, образующих Тубу). К какому улусу была приписана эта третья группа маторов в 1735 г., когда в Красноярском уезде был Миллер, остается пока неизвестным. Скорее всего они относились к улусу Тарачакову, ибо про население именно этого улуса Койбальской землицы Миллер писал, что оно само себя называет «моторами». Однако во времена Палласа рисуется иная картина. Теперь, спустя 37 лет после поездки Миллера, Тарачаков улус обитал вместе с некоторыми другими улусами уже между Абаканом и Енисеем (т. е. на за-

²⁶ П. Паллас, Путешествие..., III, стр. 527. Слово «сабан» свидетельствует, что название сохи койбалы заимствовали именно от качинцев.

²⁷ И.-Г. Георги, Указ. соч., III, стр. 13—14.

²⁸ Г. Миллер, Указ. рукопись, ЦГАДА, фонд 199, дело № 9, портфель 526, ч. II, л. 27.

падной стороне Енисея). Однако часть этого улуса, вероятно, оставалась попрежнему в бассейне Тубы — Амыла и продолжала называть себя маторами, о которых у Палласа сказано: «Sie nennen ihren Aimak selbst Motor»²⁹. Но судя по Палласу, маторы теперь числились среди Тубинского улуса, ибо у него говорится в перечне улусов Койбальской земли: «die Tubinzen, worunter its die Motoren mit inbegriffen sind, von 29»³⁰.

В 1760 г. маторов было 30 платежных душ. Вскоре оспа произвела среди них опустошение. В 1772 г., при посещении Палласа, их насчитывалось только 10 семейств. По образу жизни, языку, религиозным верованиям койбалов вместе с той частью их, которая находилась в Туве, исследователи XVIII в. считали «семоядского колена остатком»³¹. По характеристике Палласа, «в поведении и платье они не очень отличны от кайбальцов, скудны, скота немного, питаются промыслом и службою у богатых кашинских татар, хлебопашества не имеют, собирают сарану, сушат ее и толченую подмешивают во всякую еству.— Уже более 30 лет, как они крещены; прежде кладывали они своих мертвых меж трех досок на деревья. Юрты свои покрывают берестинами, а зимою для тепла закидывают сеном. Двери принаравливают на восток»³². Е. Пестерев, посетивший их в 1773—1774 гг. близ Шедатского караула, писал, что они питаются сараной, кандьком и марьиными кореньями. Хлебопашества не имеют, а немного покупают у русских муки и крупы, которую берут на промысел. Охотятся по р. Амылу и впадающим в него речкам, поднимаются как и кандинцы (т. е. кайдинцы.— Л. П.) в берестяных лодках. У них мало лошадей и быков, они очень бедны, но не жалуется на свою судьбу. Ясак платят деньгами красноярским сборщикам³³. Пестерев отмечает здесь же, что «у мотор домовых (домашних.— Л. П.) оленей нет». В 1806 г. маторов посетил Г. Спасский, который первый собрал словари койбальского и маторского языков. Спасский нашел двух престарелых маторов, которые хорошо знали свой язык. «Сии словари,— пишет Г. Спасский,— совершенно удостоверили о сходстве сих языков с самоедским»³⁴. «Они кочуют,— сообщает он,— в вершине речки Каратуса и близ Шадатского форпоста. Улус их состоит только из 20 беднейших юрт. Небольшое их число обращается в работе у качинцев. Маторы почти оставили природной свой язык... Рост они имеют невысокой, лицо бледное и сухощавое; но сие может быть происходит от неопрятства их и худой пищи»³⁵.

В начале XIX в. было произведено укрупнение улусов. Койбальская земля состояла уже не из 14—15, как это было по данным Палласа, а из 6 улусов, население которых составляло теперь не 400 (по Георги — 415), а 528 душ: Большой Байкотовский (138 д.), Малый Байкотовский (88 д.), Кольский (138 д.), Таражаков (95 д.), Абугачев (95 д.), Арши (60 д.). Эти данные относятся уже к 5-й ревизии, 1794 г. Отсюда видно, что койбальские улусы были укрупнены (например, в Кольском улусе стало 138 душ, вместо 16). Улусы Карнат, Урген с Бугуджи, Аршупов, Сысков, Аскасов, Ангаров, Тубинский перестали существовать официально. Они растворились в среде оставшихся улусов; это видно из того, что в 1847 г. М. А. Кастрен записал их названия в народе как «родовые» названия (например, Ингара, Инген, Бегеди, Тьода, Карнат), о чем речь пойдет дальше.

²⁹ P. Pallas, Reise..., III, стр. 378.

³⁰ Там же, стр. 376.

³¹ И.-Г. Георги, Указ. соч., III, стр. 16.

³² П. Паллас, Путешествие..., стр. 529—530.

³³ Е. Пестерев, Указ. соч., «Новые ежемесячные сочинения», ч. LXXIX, стр. 71—72 и 81—82.

³⁴ Г. Спасский, Указ. соч., стр. 59; см. в конце нашей статьи составленный Спасским Словарь койбальского языка.

³⁵ Г. Спасский, Указ. соч., стр. 59—60.

Койбальская Степная дума в XIX в.

Новое административное устройство было закреплено реформой 1822 г.³⁶, когда возникло Койбальское Степное управление, состоявшее из 7 улусов. Кроме тех укрупненных улусов, о которых говорилось выше (по материалам 5-й ревизии), в Койбальскую думу был добавлен Кандыковский улус, находившийся до реформы в Яринской землице. Таким образом, состав улусов Койбальской Степной думы при ее организации принял следующий вид:

Родовые управы или улусы	Количество душ		Ясак деньгами в рублях
	скотоводов и промышленников	кочующих земледельцев	
Таражаковский	142	—	194
Кольский	52	—	101
Абугачаевский	85	—	155
Мало-Байкотовский . .	89	—	184
Больше-Байкотовский	129	—	213
Кандыковский	52	—	81
Арша	45	—	142
Итого	594	—	1070

Административным центром Койбальской думы стало селение Уты, на левом берегу Енисея.

При новом административном делении маторы, жившие близ Шедатского форпоста, были приписаны к Качинской Степной думе, административный центр которой находился близ устья Абакана у подножья горы Изых³⁷. Такое изменение было вызвано тем, что «шедатские маторы» жили значительно ближе (около 100 км) от центра Качинской думы, чем Койбальской. В какой улус Качинской думы вошла эта группа маторов, пока не установлено. Известно, что с развитием золотопромышленности в бассейне Амыла, в начале 30-х годов XIX в. на месте Шедатского форпоста образовалась с. Каратуз, ставшее административным центром упомянутого золотопромышленного района. Вследствие этого маторы поселились в том же Каратузском районе, на речке Кундулук, где в 1832 г. основали селение, получившее название «Маторское» и постепенно обрусели. Вот почему проезжавший в 1847 г. по Каратuzu и Амылу Кастрен уже не обнаружил маторов у Шедатского форпоста.

По данным 1827 г., все население этой думы состояло из 1292 душ обоего пола, из которых подавляющее большинство официально числилось христианами (шаманистов было около 200 душ обоего пола). В это время большая часть населения летом жила в юртах, которых в думе насчитывалось 256. Основными занятиями населения были скотоводство и охота. В 7 улусах думы числилось скота: лошадей — 701, коров — 1122, овец — 3553³⁸. В первых официальных статистических сведениях, которыми мы здесь пользуемся, земледельческие хозяйства не выделены, хотя земледелие у койбалов уже было. Границы территории Койбальской думы определены были следующим образом: «По левую сторону Енисея, начиная Шушенской волости от деревни Означенной вниз по течению до впадения притока, вытекающего из таковой же, Абакана, как ровно по правую сто-

³⁶ Эта реформа, автором которой был М. Сперанский, известна в законодательстве царской России под названием «Устав об управлении инородцев».

³⁷ А. П. Степанов, Енисейская губерния, СПб., 1835, ч. II, стр. 50.

³⁸ Абаканский государственный областной архив, ф. 2, д. 49 за 1827 г.

рону реки Абакана от устья... и до впадения протока, вытекающей из Абакана в таковую же Енисей, лежащие покосные места принадлежат во владение койбальским инородцам»³⁹.

Таким образом, устанавливается, что Койбальская Степная дума сохранила прежний состав административных родов или улусов, этническое происхождение которых было выяснено нами выше. Следует добавить, что изучение родового состава койбалов учеными путешественниками XIX в. вполне подтверждает наши выводы, сделанные на основании исторических и этнографических материалов. М. А. Кастрен⁴⁰, посетивший койбалов в середине XIX в. с этнографическими и лингвистическими целями, как и ряд других различных групп населения Минусинской котловины, отметил, что койбалы считают себя древнейшими обитателями страны, и зафиксировал у них ряд родов, которые он принял за кровнородственные, а их названия за родовые самоназвания, возникшие в среде кровнородственных родов. В записях Кастрена мы находим следующие роды: Большой и Малый Байгадо (Бай), Канг, Тараджак, Тьода, Мадор, Кель, Ингара, Бёгёды, Ирген, Аршы, Кейек и Кайденг. Однако нетрудно видеть, что Кастрен записал как подлинные родовые названия лишь наименования улусов XVII и XVIII вв., из которых была образована Койбальская землица, а затем и Койбальская Степная дума. Конечно, в этих довольно старых и устойчивых названиях улусов могли сохраниться родовые, а может быть и племенные названия, как, например, мадор или матор, тьода или чога, байгодо, бёгёджи. Однако, как мы показали выше, русские наименования ясачных улусов, занесенные в официальные документы, прежде всего в ясачные книги, далеко не всегда совпадали с подлинными самоназваниями тех или иных родоплеменных групп. В данном случае, например, название рода Канг может служить просто наименованием Канской землицы, к которой были причислены предки этого рода в XVII в. Название кайденг, видимо, однозначно термину кайдын, который происходит от имени коттовского князца Хайтына, или Хайтона, и т. д.

Кастрен полагал, что большинство койбалов самодийского происхождения, а некоторые роды (Байгода, Кайденг) — енисейско-остяцкого. На самом деле большинство койбалов происходит от кетоязычного населения, родственного коттам, что удостоверил Миллер вскоре после образования Койбальской землицы. Между прочим Кастрен на основе этнографических и лингвистических материалов пришел к выводу об общности происхождения и тесном этническом родстве койбалов с карагасами и сойотами-тувинцами, а также о том, что все эти группы в этническом отношении самодийского происхождения⁴¹. Этот вывод справедлив только в общей форме. При более детальном изучении койбалов, карагасов и тувинцев выясняется более сложное их происхождение, что отнюдь не противоречит тому, что самодийскоязычные этнические компоненты в их смешанном составе явились основными.

Образование Койбальской Степной думы в том же составе улусов, который в течение столетия был характерен и для Койбальской землицы, способствовало формированию и развитию территориальной общности и общности языка и культуры койбалов. Основы этой общности были заложены у койбалов еще в XVIII в. под влиянием перехода к оседлости, общего административного управления, смешения и совместной жизни населения различных по своему происхождению улусов. Уже тогда определилась территория расселения койбалов, выросла их численность, возникли и разрослись населенные пункты, наметились общие черты хозяйственного, общественного и домашнего быта. Тогда же в основном одержал

³⁹ Абаканский государственный областной архив, ф. 2, д. 115, л. 35.

⁴⁰ М. Castren, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, стр. 322 и др.; его же, Путешествие в Сибирь, «Магазин земледелия и путешествий», М., 1869, т. VI, стр. 375, 392, 397.

⁴¹ Кастрен, Путешествие в Сибирь, стр. 375, 429 и др.

победу и тюркский язык, постепенно заменивший самодийские и кетские диалекты. В XIX в., особенно после административной реформы 1822 г., процесс консолидации койбалов усилился. Но в XIX в. койбалы были втянуты в другой и более общий процесс консолидации населения Минусинской котловины. У них создавалась общность языка, культуры и быта с качинцами, бельтирами, сагайцами. Этот процесс начался также в XVIII в. Именно тогда у койбалов бытовала качинская войлочная юрта, что удостоверяли Г. Миллер и П. Паллас, а их одежда, по словам Палласа, представляла смесь качинской и русской. Как и у качинцев, некоторые мужчины носили косичку, монгольские головные уборы. В течение же XIX в. развитие культуры и быта койбалов шло в двух направлениях. Охотнее всего в области хозяйства и домашнего быта койбалы усваивали черты, заимствованные от русского крестьянства, живущего вместе с койбалами или вблизи от них. Но все, что отличало койбалов от русских соседей, как правило, было таким же, как у качинцев, бельтир и сагайцев.

Созданию общности языка, культуры и быта койбалов с качинцами и сагайцами способствовало и то обстоятельство, что Койбальская Степная дума в 1858 г. была упразднена⁴². Административные роды или улусы ее были разделены между Сагайской (или, как она официально называлась, Думой соединенных разнородных племен) и Качинской Степной думой. Пять административных родов — Таражаков, Больше-Байкотовский, Абу-гачиев, Кольский и Арши — соединили в один Койбальский род и приписали его к Думе соединенных разнородных племен (Сагайской), а роды Кандыков и Мало-Байкотовский, территориально удаленные от остальных (они были расселены по рр. Тубе и Салбе) соединили в один Салбино-Койбальский род, который приписали к Качинской думе, территориально более близкой.

В свете изложенных выше исторических фактов мы имеем основание утверждать, что койбалы, как и сагайцы⁴³, не являлись племенем. Это был небольшой по численности этнический конгломерат, созданный административным путем из разнородных по происхождению и языку элементов. Но в результате перехода к оседлости и совместной жизни этот конгломерат постепенно обрел общий язык, культуру и быт, причем вначале под сильным влиянием качинцев, а затем и сагайцев. В дальнейшем, особенно в XIX в., койбалы были втянуты в общий процесс консолидации хакасской народности, формировавшейся также из весьма различных по языку и происхождению этнических элементов, на основе качинского тюркского языка. Процесс формирования хакасской народности шел под сильным и благотворным влиянием русской народной культуры и в основных своих чертах завершился ко времени Великой Октябрьской социалистической революции.

Ниже прилагается словарь койбальского языка, составленный Г. Спасским⁴⁴.

⁴² Эта дума была упразднена по настоянию Минусинского окружного начальника Стадлера против желания койбалов. Административный центр думы находился в дер. Уты на притоке р. Абакана того же названия, в 7 верстах от сел. Беи.

⁴³ См. нашу работу «Этнический состав сагайцев», «Советская этнография», 1947, № 3.

⁴⁴ Словарь койбальского языка, собранный Спасским, хранится вместе со словарем моторского языка в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, в фонде Ф. Аделунга. При публикации словаря мы сочли целесообразным полностью воспроизвести орфографию оригинала.

Приложение

Словарь Языка Койбальского в 1806^{-м} году собранный Членом Санкт-Петербургского Общества любителей наук, словесности и художеств Григорьем Спасским.

Б

Баба, женщина — нэ
 Баранъ — куча*
 Бездѣтный — ассизетъ
 Беззубый — тимазетъ
 Безпамятный — сагаисетъ
 Безрогий — амнызечъ
 Береза — кую
 Береста — со
 Бичъ, плеть — камджи*
 Блею — седелра
 Близнецы, двойни — икэре*
 Блохи — казаптюкъ
 Блудодѣяніе — серо
 Блудный сын, выbleядок — сурасть*
 Блужу в тайге — джюрзулямя
 Блюдо — табакъ*
 Беру — илямъ
 Блюю — седебамъ
 Боберъ — садэ
 Богатый — бай*
 Богатю } — баимнагамъ*
 Богатъ дѣлаюсь }
 Богъ — кудай*
 Бодливый — сюскю*
 Болото — сась*
 Больной — инзиде
 Большой — урга
 Борода — сагалъ*
 Борозда — аде
 Борюся — джябдолламъ
 Босый — джяламъ*
 Боюся — пылямя
 Бранюся — кудолламъ
 Брат большой — кагамъ
 Брат малый — пабинъ
 Брежу — джюдримъ
 Братья — пидибе
 Бровь — кумускэ*
 Бросаю — бабламъ
 Брюхо — наны, беременная женщина — нанэзбе
 Бужу — судурлямя
 Быкъ — буга*
 Бью руками — тобламъ
 Бѣгаю — итырлямя
 Бѣлый — сыры
 Бѣлка — тызылъ

В

Валяю — тырдылямя
 Варю — пѣдламъ
 Вашъ — се
 Веду — погонла
 Вездѣ — ибре
 Везу к себѣ — лятыгамъ
 Везу от себя — куналдыгамъ
 Веревка — конье, уру
 Верчу — пайдлямя
 Верша, морда — кыръ*
 Верховая лонгадь — джаланъ*
 Верхъ — ныганъ
 Весло — иски*
 Весна — бюдюнь
 Вечеръ — нюде
 Взнуздываю — пыдла
 Вижу — кубамъ

Вижду — нрарламъ
 Вино — арга*
 Винопійца, пьяница — изрыль
 Винтовка — мултыкъ*
 Вихрь — куюнь*
 Вишу — адля
 Вмѣстѣ — обри
 Внукъ — асень асень
 Вода — бѹ
 Водоворотъ — каилкакъ
 Возвращаю, отдаю назадъ — пюдюмля
 Воздыхаю — тынаремъ
 Волкъ — макнѣ
 Волдырь, вередь — кочъ
 Волна, валъ — шалга*
 Волось — абде
 Волшебникъ, шеманъ — тарбэ
 Вон — уба
 Воруя — джяпдолла
 Воръ — толе
 Ворона — баре
 Воронъ — куле
 Ворочаю — парла
 Ворчу — нардля
 Востокъ — бла
 Вотъ — дѣ
 Вошь — унѣ
 Вою, плачу — джеорла
 Впереди — джярдыганды
 Все — баръ
 Встаю — убламъ
 Встрѣчаю — удурбде
 Втыкаю, тычу — нубля
 Вчера — талынъ
 Вверх поднимаю — мнеллям
 Выбиваю, вышибаю — сабыт обдемъ
 Вывихиваю состав — джю-дукъ-дубе
 Выворачиваю — пюрюлдде
 Выгоняю — мангорла
 Выдра — тпятъ
 Выигрываю — утарбамъ
 Выкапываю — тылпяля
 Вынимаю — сабылпяля
 Выдираю — итчилямъ
 Везу — кунадлагамъ
 Выпрягаю — убдлламъ
 Высокій — прицэ
 Вычищаю — ардырламъ
 Вью — таймыдлямъ
 Вѣтвь, сук — му
 Вѣтеръ — бырсы
 .... полуденный — тусярсы
 .... западный — аракбярсы
 .... сѣверный — такарбярсы*
 .... горный — мяянбярсы
 .... противный — каянберсы*
 Вешу — адлямя
 Вы — се
 Вѣю — аксубла
 Вяжу — сарла

Г

Галка — танъ*
 Гвоздь — бозукъ*
 Гдѣ — кудэганъ*
 Гдѣ нибудь — кыденында
 Глажу — сибанидбамъ
 Глазь — сима

Глина — сэ
 Гложу кость — тугуламь
 Глотою — пинзилля
 Глотокъ — поолдола
 Глубокій — пуду
 Глупый — алыкъ*
 Глухий — ускеръ*
 Гнида — тарѣ
 Гнилый — пысва
 Гнию — тяплаганда-га
 Гной — тэ
 Гнѣваюся, сержуся — короля
 Гнѣздо — пидэ
 Говорю — нюрблямь
 Годъ — пе
 Годовой — опсубе
 Голек — пудюль
 Голова — улу
 Голодный — піола
 Голось — курю
 Голый — тырзетъ
 Голенище — трей*
 Гоняюся — мингорла
 Гора — мыя
 Горкій — намзыде
 Горло — агманъ
 Городьба — чикдены*
 Горсть — памъ
 Горшок — кудешъ*
 Горю — амоламь
 Горячий — джибде
 Господинъ — койъ
 Господинова жена — минзьечъ
 Гость — алже*
 Готовлю — белечремъ
 Готовый — билень*
 Грабли — тарбошъ
 Градъ — тебен*
 Гребень — тыпсенъ
 Гребу весломъ — тукблѣ амь
 Грибъ, губка — мишке
 Грива — кунду
 Громъ — каянъ
 Грудь, титьки — нюю
 Грудь сосу — нюю немерля
 Грызу — блаламъ
 Грѣю — аюмля
 Грязь — балгашъ*
 Губа — монда
 Гуляю — эдайлямъ
 Густый — налго
 Гусь — тѣзы
 Гуща — налготъ
 Гремлю — куремдля

Д

Да, такъ — яа дыргеть
 Давлюся — суктулямь
 Давно — конджюган
 Далеко — кунга
 Дань, ясак — албанъ меля
 Даромъ возьми — ттрогитъ
 Даю — мелямъ
 Дверь — ан
 Дворъ — кажи*
 День — джяла
 Деньги — акча*
 Деревня — тирра
 Дерево — па
 Держу — джяболамь

Деру — нынгылямъ
 Дешево — сюмка
 Дикій — имникъ
 Дира, скважина — си
 Для чего — мола
 Добрый — джякши*
 Дождь — суруно
 Долгий — нумо
 Домовый — матзибе
 Домъ, юрта — маць
 Дорога — аде
 Дорого — сэдэ
 Доска — тчярды*
 Достаю — иля*
 Даю — урдемъ
 Дремлю — конолдам
 Дровни, сани — шоръ*
 Дрожу — калдырля
 Другъ — найджи*
 Думаю — тенля
 Дую — тубля
 Дымъ — сюнѣ
 Дышу — тынарламъ*
 Дѣвица, дѣвушка — кобдо
 Дѣлаю — палемъ
 Дѣлю — таарламъ
 Дѣти — а се
 Дѣтородный удъ мужеский — кй
 . . . женский — пе
 Должник — алы*
 Догоняю — бидибямъ

Е

Естли — игѣбе
 Еще — базы*
 Ель — сы

Ж

Жаворонокъ — карачагай*
 Жадный — каджялу*
 Жажда, пить хочу — бююттамъ
 Жалуюся — наманьземъ
 Жареное мясо — джяпсы но уя
 Жаркій — джибиде
 Жарю — джяпсыламъ
 Жвачка — кепсенербе
 Жгу — няндля
 Железа — бильчаргай
 Желтый — сегэй
 Желчь — пода
 Желѣзо — базе
 Женихъ — изитъ
 Женское платье — кепъ
 Жеребей бросаю — сынаамъ
 Жеребемокъ — кулунъ*
 Живу — бибѣмъ
 Жидкій — суукъ*
 Жила — танъ
 Жирный — кобы
 Жиръ — сыль
 Жну — пыдламъ
 Жованый — тодадобе
 Желтокъ — ось*
 Журавль — курьерокъ
 Жую — тодбламъ

З

Заблуждаюся — джюрзалемъ
 Забываю — нумилемъ
 Завтра — каранъ
 Загашаю — кубдремъ

Загибаю — мунублямь
 Задний — бюлнянь
 Задница — кутень *
 Здѣсь — дугунь
 Заяць — козань *
 Зажигаю — нандля
 Зажимаю — тах чыджябле
 Заикаюсь, заика — тылдфикъ
 Закалаю, колю — будемъ
 Закисаетъ — намзыбле
 Закрываю — хайлямъ
 Закутываю — сурлемъ
 Запираю — тахтымъ
 Запрегаю — кулерда *
 Заставляю — юдолямъ
 Затаю — пегандыба
 Затыкаю — тихчѣмъ
 Захожденъе — узлагандага
 Заѣзжаю — токчогамъ
 Збираю — опла
 Звѣзда — кынзыгей
 Звѣрь — кона
 Здираю — кырле
 Здравствуй — изень *
 Зеленый — кокъ *
 Землетрясение — джюмангылде
 Земля — джа
 Землякъ — обджѣ
 Зеркало — коридась *
 Жимаю — казаджябламъ
 Зима — кѣ
 Зимникъ — кыстагъ *
 Злой — казырь *
 Змѣя — нѣнзы
 Знакомлюсь — тымдробямъ
 Знаю — тымнемымъ
 Зрачекъ в глазу — почтиѣ
 Золото — алтынъ *
 Зубъ — тые
 Зыбка — джяпсы
 Зѣваю — амойлямъ
 Зябну — кронлѣ
 Зять — манмемъ

И

Игла — неме
 Играю — серла
 Иду — кандагамъ
 Известъ — сэ
 Икра у ноги — мѣга
 . . . у рыбы — турмѣ
 Имя — нымъ
 Истокъ — нѣрды
 Ищу — пиля

К

Кадка — сабанъ *
 Кажется — идымла
 Какой — кадочъ
 Камень — пи
 Качаю — орда
 Кашица — мыя
 Кашель — кѣтла
 Кедръ — саны
 Кидаю — бабламъ
 Киплю — минзиде
 Кисло — намзыде
 Кишка — бадѣ
 Кладеные — ахта
 Кладу что — палля
 Кланяюся — нуманузля
 Клей — ниме

Когда — камень
 Кобыла — сюнма
 Коболка — сибиску
 Кожа — куба
 Коза — подо
 Козель — муно
 Козленокъ — нека
 Кокушка — сега
 Колода — нютме
 Колосъ — улутъ
 Колѣно — сыне
 Комаръ — нинѣонъ
 Конецъ — нерде
 Коно — инѣ
 Копая — тылля
 Копейцо у стрелы — не
 Кончу — камнылла
 Копыто — куда
 Кора — пере
 Корень — мына
 Кормлю — обылла
 Корова — тюзей
 Коса на голове — кыджаде *
 Кость — ле
 Косый — каирсима
 Кочка — бакты
 Кочую — суйля
 Край — тобдѣ
 Крапива — калагай
 Красный — кѣме
 Кривый — пилдысима
 Крикъ — курю
 Кровля, крышка — кайбѣ
 Кровь — камъ
 Крою — кайля
 Крою — пытла
 Крутое место — пяллѣ
 Крыло — колѣръ
 Крюкъ — быда
 Кто — семъ
 Куда — кудыръ
 Кусаю — талбла
 Куликъ — су
 Курица — такакъ
 Курю — хамнылла

Л

Ладонь — пямъ
 Ласточка птичка — карачагай
 Ласть — модла
 Лгу — сая
 Ледъ — бой
 Лежу — бипбамъ
 Летаю — нарголямъ
 Лисица — миндай
 Листъ на дереве — джаба
 Лодка — ане
 Ломаю — былдыла
 Лось, сохатый — ка
 Лугъ — кой
 Лукъ, коим стрѣляютъ — инѣ
 Лысый — калдженъ
 Лѣю — камныла
 Лѣтливый — багыльзечъ
 Лѣсный, таежный — джилямы
 Лѣто — тѣгѣ
 Лягушка — тамнѣ

М

Мажу — джюпла
 Малый — уджюга
 Мальчикъ — эсе

Мараю — сигармдла
 Мараль сынъ — майми
 Мать — ямъ
 Медвѣдь — майна
 Мелю — неплемъ
 Мерзну — конбамъ
 Мертвый — кубѣ
 Мигаю — кайла
 Младенецъ — тчязасы
 Много — юго
 Могила — сорач джюдждѣ
 Могу — пале
 Мозгъ — кюю
 Мой — манъ
 Мокрый — джѣрпѣ
 Молния — сюсагаралча
 Молоко — сютъ *
 Молчу — тызарламъ
 Молюся — нананыздлять
 Море — далай *
 Морозъ — систе
 Моча — кынзе
 Мочу — джютпемъ
 Мою — бызла
 Мужъ — бюзье
 Муравей — кадума
 Мука — сурсари
 Мѣль — турзуга
 Мѣсяцъ — кыю
 Мы — ме
 Мясо — уя
 Мягкій — нѣморъ

Н

Навзничъ — кутдѣ
 Нагибаюся — медень
 Надуваю — пюбля
 Надѣваю — серля
 Называю — нимиялямъ
 Нахожу — куламъ
 Накладываю — паллямъ
 На колѣни становиться — снитле тлянуамъ
 Наливаю — камныламъ
 Насилую женщину — джябемъ
 Насмѣхаюсь — бастирлямъ
 Наступаю — тонла
 Натягиваю — небля
 Научаюся — тузля
 Начальникъ — конъ
 Нашъ — ме
 Небо — нумъ
 Небо в роту — няни
 Невѣста — изечъ-куза
 Невѣстка — меимъ
 Недавно — татаганъ
 Не знаю — абычимнемъ
 Не могу — ийзля
 Непроворный — абы
 **Нитки из жилъ — та сымдахъ
 Новый — тобда
 Ноготь — кода
 Ножикъ — тагай
 Ножны — сэнъ
 Ноздри — аичъ
 Носъ — пия

Ночую — салемиъ
 Ночь — пѣ
 Нощу — минъзизямъ
 Нѣмый — секазетъ
 Нѣтъ — нага

О

Оба — обры
 Обмачиваю — джочпендля
 Обнимаю — камырла
 Обрубаю — бьолхла
 Обуваю — сердя
 Объездываю — анадламъ
 Обучаю — тузуллямъ
 Объявляю — ниналлямъ
 Общаю — дримелямъ
 Овца — уларъ
 Овчина — куба
 Оглядываются — проиттохуламъ
 Огнью — пида
 Огонь — сю
 Озеро — тѣ
 Окрововляю — канджюбла
 Олень — суме
 Онь — дѣ
 Опасаюся — пымлямъ
 Опускаюся — узямъ
 Опухоль — базырбе
 Опушка — тобдотъ
 Орель — некъ
 Орех — сана
 Оса — копь
 Осень — ирѣ
 Оставляю — пелябидбамъ
 Остаюся — пинамо й гамъ
 Островъ — норо
 Острый — потме
 Отворяю — аяхарламъ
 Отецъ — абам *
 Открываю — карла
 Откуда — кудеда
 Отнимаю — джяблайгамъ
 Отстаю — коѣгамъ
 Отхожу — уплагандагамъ
 Охаю — кунулямъ

П

Падаю — узаремъ
 Пазуха — мугма
 Пепель — сьмо
 Перевожу — каналла
 Переправляюсь — бейля
 Перо — ходяръ
 Песокъ — пря
 Печень — мѣтѣ
 Плачу — дѣорламъ
 Плету — курлямъ
 Плечо — батъ
 Пльву — миля
 Плюю — сузламъ
 Подкрадываюсь — манапламъ
 Показываю — пердламъ
 Полночь — пинджаръ
 Половина — пелдой
 Пологое мѣсто, некрутое — пелле
 Помню — тенлямъ
 Понужай — меньянямъ
 Послѣ — писнянда
 Постеля — сохточъ
 Посылаю — отлямъ
 Потливый — нугѣ
 Потопъ — бѣ
 Потъ — пого

** Нитки из жилъ приготовляются слѣдующимъ образом: берутъ жилу скотиную или звѣриную сушатъ оную, разбиваютъ на послѣдокъ раздѣляютъ на мелкіе части сушиваютъ и употребляютъ.

Пою что — нинля
 Пою кого водою — бюмуля
 Поясь — дже
 Праздникъ — ургаджяла
 Прежде — джирдыганды
 Привязываю — сурламъ
 Прижигая одну** — тюняглямъ
 Примѣчаю — тымнелеймамъ
 Промышляю — самайлямъ
 Протока — нагма
 Прочь — перено
 Прошу — корламъ
 Пужаюся — кумлеямъ
 Пузырь — пяръ
 Пуля — не
 Пупъ — санъ
 Пушаю стрѣлу — паныдла
 Пушаю дым из роту — обдолемъ
 Пью — битля

Р

Разуюся — ангаллемъ
 Раждаю — суйламъ
 Разгоняю — мангорламъ
 Раздѣлю — таарламъ
 Разнимаю — бозлаимъ
 Рана — мердъ
 Разсвѣтаетъ — тлялымла
 Разтопляю, топлю — ныгнылямъ
 Рветъ меня — ссе эрла
 Ребро — коттъ
 Реву — курымлямъ
 Ремень — миня
 Ржетъ — инарла
 Ровъ, яма — тцютелля
 Рога — амна
 Роса — джибда
 Россомага — мугнэ
 Ротъ — айъ
 Рублю — бодэмъ
 Ругаю — кудолла
 Рука — ода
 Рука правая — мана
 . . . . . левая — сола
 Рыба — кола
 Рысь — ногамайна
 Рѣка — меанлай

С

Сажа — куя*
 Сажаяю — амналейбамъ
 Сало — сель
 Самъ — манъ
 Сапоги, пимы — пема
 Сватъ — мыно
 Сваха — мыногне
 Свербить — ходалла
 Свищу — супдулямъ
 Свой — мэнъ
 Свѣжий — тобда
 Свѣчу — джялокбла
 Связываю, вяжу — сарламъ
 Сегодня — тепманъ
 Седло — конзанъ
 Сердитый — курола
 Сердце — сей
 Серьга — когой

Сижу — амнамъ
 Скоблю — тандламъ
 Сколько — куминэ
 Скорлупа — сана
 Скоро — бюзе
 Скочу — сумеля
 Сладко — немьдэ
 Слезы — кыиль
 Слюна — сузо
 Слово — тано
 Слышу — нюныбамъ
 Слѣгъ — адэ
 Смерть — кубе
 Смерькается — нуде
 Смѣю — бистерлямъ
 Снимаю — илямъ
 Снѣгъ — сыра
 Собака — мянъ
 Собираю — опламъ
 Соболь — сыле
 Солнце — куя
 Сосна — джэ
 Спина — бягалъ
 Спорю — джектырламъ
 Сплю — конолламъ
 Ссорюся — кодолла
 Старикъ — бѣзия
 Старуха — немька
 Степь — каратъ
 Стою гдѣ — нугамъ
 Стригу — педлямъ
 Стрѣла, пуля — не
 Стрѣляю — чидлемъ
 Ступа — систе
 Стѣдливый — сарляцъ
 Сухій — котурбе
 Сынъ — не
 Сѣмя — ургулокъ
 Сѣно — но
 Сюда — со

Т

Тамъ — тыганъ
 Ташу — устюлямъ
 Твердый — каскакъ
 Твой — танъ
 Темно — толо
 Тепло — аё
 Теряю — джурдымъ
 Тестъ — иметъ
 Течеть — меанла
 Тетеря — джио
 Титька — нюю
 Товарищъ — пеля
 Толкаю — мюдюлля
 Толстый — джирямъ
 Только — тычокъ
 Тонкій — тодамъ
 Тону — бюнюзлямъ
 Топаю — балабабделъ
 Тополь — пине
 Топчу — тонбла
 Трова — нотъ
 Трутъ — пядмя
 Туча — ты
 Тѣло — уя
 Ты — танъ

** Една пятно на груди прижигаемое кочующими обоого пола малолѣтнимъ на 2^{мб} и 3^{мб} годахъ для того, что бы у нихъ не текла из роту слюна и небыло бы въ роту боли; оно бываетъ на груди а выжигают оные положа зажженный трудъ на тѣло.

У	Шутка — серо Шуба — прога Шью — содлямь	
Убиваю — кудламь Уголь — джётъ Узда — агнэтъ Умираю — кулягандамь Усталъ — убдемь Устье — тагатъ Ухо — ку Уха — ми	Щека — ёгой	Щ
Х	Ѡду — кандагамь Ѡмь — амламь	Ѡ
Хватаю — тчябламь Хворый — издзъ Хвостъ — тыйма Хлебаю — бихля Хожу — нунгамь тонламь Хорёкъ — кузень Худый — биля	Я — монь Языкъ — сека Яйцо — муны Ястребъ — пия Ящерица — танза	Я
Ц	Один — унемъ 2 — сёда 3 — нагоръ 4 — тадэ 5 — сумула 6 — муктуъ 7 — ссейгбе 8 — сынтаѣ 9 — тагосъ * 10 — бѣтъ 11 — бедопъ 12 — белсыда 13 — бетнагоръ 14 — бетадэ ⁴⁵ 15 — бетмунтут 16 — бетмутуъ 17 — бетссейгбе 18 — бесынтаде 19 — бетогосъ 20 — сыдыбетъ 21 — сыдыбетопъ 22 — сыдыбесыда и такъ далѣ 30 — нагорб 31 — нагорбетопъ и такъ далѣ 40 — каракъ * 41 — каракопъ и такъ далѣ 50 — илихъ * 60 — алтонъ * и такъ далѣ счисленіе	
Царь — канъ Цвѣтъ — нареготъ Цѣлююся — панаргадлалъ Цѣль — сыри В цѣль попадаю — углютчюдля Цѣна — улу		
Ч		
Чадъ — сюнѣ Чашка — тоѣ Человѣкъ — куза Черень у ножа — пог Черный — сагаръ Черпаю — супблаанъ Чищу — арымдламь Чужій — кузанъ		
Ш		
Шагъ — азыбла Шапка — юзю Шерсть — таръ Шея — байгъ Штаны — пакма		

ПРИМѢЧАНІЕ

Для точнаго выговора словъ употреблены в Словарѣ слѣдующіе Знаки: 1-й ' сей знакъ показываетъ, что ту букву, надъ коею онъ находится должно выговаривать в носъ напр. игѣбе (естъли) такъ какъ выговаривается. 2-й: ~ сей Знакъ и особенно надъ такою буквою, надъ которою в Россійскомъ языкѣ не поставляется, означаетъ, что она буква должна произнесена быть или весьма коротко, или гортанью напр: пыдпамъ (жну). 3-й -: сей знакъ показываетъ, что должно выговаривать букву, подъ нимъ находящуюся протяжно напр. пѣбимъ (братъ малой). 4-й * сей знакъ показываетъ, что слова, надъ коими онъ находится или и до нынѣ употребительны у кочующихъ вверху рѣки Енисея поколѣній и отъ нихъ въ языкѣ Койбалской приняты, или происходятъ отъ языка кочующихъ. Слова употребляемые кочующими поставлены по той причинѣ, что слова Россійскія одного значенія были прежде написаны и притомъ изъ сихъ словъ можно судить обличности языка кочующихъ отъ Татарскаго.

Сверхъ сего употреблена Латинска буква *q* по ненахожденію таковой буквы в Россійскомъ языкѣ. Сія точность въ выговорѣ словъ показала нужнаю въ семъ языке неимѣющемъ письма и весьма подверженномъ перемѣнамъ, для могущаго быть соображенія съ другими языками Азіатскихъ народовъ.

⁴⁵ Ошибка переписчика словаря Спасскаго. Нужно: «бетсумула».